
Е.В. Барсов в поиске имперских корней венчания русских государей

Андрей Богданов

E.V. Barsov in search of imperial roots the Russian sovereigns coronation

Andrey Bogdanov

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI: 10.31857/S2949124X25010074, EDN: AITTIQ

В историографии утвердилось мнение, согласно которому традиция венчания русских великих князей и царей восходит к чину коронации базилисов Империи ромеев. Но оно столь же ошибочно, как и привычное именование Восточной Римской империи Византией. Археограф Е.В. Барсов (1836–1917) ещё в конце XIX в. показал, что к ромейскому чину в Москве всерьёз обратились только в 1676 г. при венчании на царство Фёдора Алексеевича. Именно составленный для него чин лёг впоследствии в основу коронаций российских императоров¹. Как же получилось, что представления об изначальном, с конца XV в., заимствовании на Руси ромейского чина опираются именно на документальную публикацию Барсова? Чтобы выяснить это, необходимо рассмотреть обстоятельства появления его труда, учитывая все известные сегодня источники сведений о русских и ромейских чинах венчания государей.

С весны 1881 г. секретарь Московского общества истории и древностей Российских Барсов изучал происхождение обряда коронации русских самодержцев. Елпидифор Васильевич понимал значение своего труда, который действительно стал фундаментом для дальнейших исследований. Задача, которую он решал, была не только важной, но и злободневной. 1 марта погиб Александр II. В тот же день на престол взошёл Александр III, демонстрировавший привязанность к национальным традициям. Барсову предстояло создать научную основу для церемонии венчания на царство нового монарха.

Готовилась она тщательнее, чем обычно. Если собственно воцарение императоров, с присягой чинов двора, армии и подданных, происходило стремительно, поскольку при этом решался вопрос о власти, то коронационные торжества, выражавшие смысл и значение роли самодержца в стране и мире, спешки не терпели. Они и в императорский период проводились в Москве, куда переезжал Двор, с соблюдением обряда, сложившегося в последней четверти XVII в. Традиция их подготовки была к концу XIX в. давней и прочной. Государевы дьяки великих князей Ивана III и Ивана IV, а позже Посольского приказа (основанного в 1549 г.) «строили чин», т.е. определяли и описывали в особом документе порядок церемонии: расстановку, поведение и речи свет-

---

© 2025 г. А.П. Богданов

¹ Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С ист[орическим] очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883.

ских и духовных лиц, последовательность молебного пения². Тексты прежних чинов бережно хранились и использовались при «строении» новых. Подготовка коронации обычно занимала несколько месяцев, но не два года, как случилось при Александре III.

У Барсова, выпустившего свою книгу «ко дню священного коронования их величеств государя императора Александра Александровича и государыни императрицы Марии Феодоровны» 15 мая 1883 г.³, было время для того, чтобы показать историю коронационной практики так, как её в те времена себе представляли, и выявить в ней связь «развития идеи царя на Руси» и в не покорённой варварами Империи ромеев (*Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων*, *Imperium Romanõrum*). Глубину поиска определял заказчик, мнение которого прозвучало в придворном официозе, вышедшем сразу по завершении майских торжеств 1883 г. Полагая, что тот или иной порядок сложился уже к началу XVII в., создатели прекрасно иллюстрированного издания проследили его истоки до венчания внука Ивана III в 1498 г., с которого идут сохранившиеся русские чины, и пошли дальше — к церемониалу ромейских базилевсов, якобы заимствованному на Руси во времена Владимира Всеволодовича Мономаха⁴.

Установка была ясна. Археографу предстояло наполнить её содержанием, оставаясь на научной почве и в русле официальной политической мифологии одновременно. Барсов с блеском задачу выполнил: и древностью русской традиции восхитился, и за научные рамки не переступил⁵. А если последующих историков его книга ввела в заблуждение, это их вина: учёный оставил чёткие знаки того, как следует понимать его текст.

Каждый русский чин венчания конца XVI — XVII в. строился на основе предыдущего. Они сохранились в оригиналах, были прекрасно изданы и почти все находились в собрании Московского главного архива МИД⁶, что заметно облегчало их изучение. Затруднения могли вызвать лишь два первых чина венчания: Дмитрия-внука на великое княжение 4 февраля 1498 г.⁷ и Ивана IV

² Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М., 1995. С. 211–224; Богданов А.П. Царь-реформатор Фёдор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018. С. 296–352.

³ Барсов Е.В. Указ. соч. С. I (нenum.).

⁴ Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Фёдоровича до императора Александра III. СПб., 1883. С. 1–2.

⁵ Чтобы понять положение Барсова, надо помнить, что в 1880-х гг. научное сообщество отказывалось признавать самые благочестивые суждения, опровергаемые архивными документами. Показателен пример дискуссии 1883–1887 гг. о реформах патриарха Никона и зарождении раскола, в ходе которой явные передёргивания Н.И. Субботина не нашли поддержки и лишь скомпрометировали его традиционную и благонамеренную позицию. Возмутительную, по сути, работу Н.Ф. Каптерева одобрили все светские и духовные учёные, в том числе совет Московской духовной академии, и даже митрополит Московский Иоанний (Руднев), бывший ректор Петербургской духовной академии. Против выступили только цензор, признавший приведённые исследователем аргументы «дискредитирующими святыню», и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, добившийся отмены решения о присвоении автору неудобного труда докторской степени. В ответ на это в журналах всех направлений (от «Вестника Европы» до «Русской старины» и от «Юридического вестника» до «Нови») появились хвалебные рецензии на крамольную книгу. Подробнее см.: Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. М., 1991. С. 496–512.

⁶ РГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. I. См. также: Государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей. Опись документальных материалов фонда № 135 / Сост. В.Н. Шумилов. М., 1971.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГИД). Ч. II. М., 1819. № 25; Савваитов П. Чин поставления на великое княжество князя Дмитрия Иоанновича, внука великого князя Иоанна III Васильевича. СПб., 1865.

на царство 16 января 1547 г.⁸ Известные их редакции возникли уже после событий, но позволяют понять характер изменений, вносившихся в XV–XVI вв. Чин Дмитрия-внука дошёл в четырёх редакциях, из которых Пространная, близкая по времени к его «поставлению», и Формулярная, приспособившая обряд для возможной коронации великого князя Василия III (между весной 1502 и осенью 1505 г.), лучше передают первоначальный текст, а позднейшие Летописная и Чудовская включают характерные для XVI в. элементы «Сказания о князьях владимирских»⁹. Чин Ивана IV наиболее точно отражён в Летописной редакции (в составе Летописца начала царства, Никоновской и других летописей). На ней основана его краткая редакция, тогда как Пространная была создана в царской канцелярии с публицистическими целями позже, в начале 1560-х гг.¹⁰

К тому времени, когда Барсов переиздавал по отдельным спискам чины Дмитрия-внука и Ивана IV¹¹, научная текстология в России только зарождалась, и требование начинать анализ текста с выяснения его истории ещё не установилось. Чин Ивана IV Барсов взял вначале из «церковного устава XVI в.» по списку И.А. Вахрамеева. Сравнив его с изданным в «Древней российской вивлиофике», Елпидифор Васильевич даже удивился, откуда Н.И. Новиков взял ссылку на коронование Мономаха в 1114 г. Затем Барсов издал и наиболее удобную для его целей Пространную редакцию, с первых же слов возводившую традицию царского венчания к Владимиру Всеволодовичу, якобы заимствовавшему его у ромеев (в фонде Московского главного архива МИД она лежала тогда сверху)¹². У археографа была более насущная забота, нежели текстология. Ведь какую из редакций первых чинов венчания ни возьми, имперского ритуала коронации в них нет¹³. Но Барсова это не остановило: перебрав издания ранних чинов и не обрета искомого, он обратился к более поздним. И добился успеха!

⁸ Древняя российская вивлиофика (далее – ДРВ). Изд. 2. Ч. VII. М., 1788. С. 1–35; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – ДАИ). Т. 1. СПб., 1846. № 39.

⁹ Тихонюк И.А. Чин поставления Дмитрия-внука // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Вып. 3. М., 1987. С. 604–607.

¹⁰ Шапов Я.Н. К изучению «Чина венчания на царство» Ивана IV // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.). М., 1995. С. 213–225.

¹¹ С чином Дмитрия-внука по «харатеиному Синодальному списку XV века» Барсову повезло – это Формулярная редакция (в составе Требника: ГИМ, Синод. собр., № 675/80370/1294, л. 143 об.–151 об.; URL: <https://catalog.shm.ru>).

¹² Пространная редакция чина Ивана IV: РГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. I, № 1. л. 1–62 (список третьей четверти XVI в.); № 2, л. 1–32 (список середины XVII в.); URL: <https://raritety.rusarchives.ru/dokumenty/chin-venchaniya-na-carstvo-ivana-iv-vasilevicha>. См. также: Барсов Е.В. Указ. соч. С. 42–66, 67–90.

¹³ Можно назвать последовательность молитв на венчание императора и императрицы из русского Требника «славянским переводом византийского чина коронации императора» и смело объявить его источником чина Дмитрия-внука, показав при этом, что они расходятся практически во всех деталях, кроме двух из многих молитв. Однако и это не позволит «присоединиться вполне к мнению А.В. Горского о том, что венчание Дмитрия было совершено “по древнему цареградскому чиноположению”» (Бурсон А.Е. Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука и проблема византийского идейно-политического наследия в конце XV – начале XVI в. // Византийский временник. Т. 57(82). М., 1997. С. 110–129).

Начиная с чина венчания Фёдора Ивановича 31 мая 1584 г.¹⁴, основанного как раз на Пространной редакции чина его отца¹⁵, исследователи во времена Барсова располагали почти полным рядом подлинных текстов из архива Посольского приказа. После чина венчания Бориса Годунова 3 сентября 1598 г.¹⁶ отсутствовал только сценарий коронации Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I) 30 июня 1605 г., пропавший ещё в Смутное время¹⁷.

В дальнейшем последовательность чинов не нарушалась. Они скорее дополнялись, поскольку после венчания Василия Шуйского 1 июня 1606 г.¹⁸ и Михаила Фёдоровича 11 июля 1613 г.¹⁹ к стройному ряду царских чинов добавился Чин наречения и поставления в патриархи Филарета 22 июня 1619 г.²⁰, который стал важнейшим источником формирования чина Алексея Михайловича, сохранившегося в оригиналах с тщательной редактурой²¹. На его коронации 28 сентября 1645 г. родовая теория самодержавной власти достигла высшей степени воплощения²². Но уже чин Фёдора Алексеевича 18 июня 1676 г. подвергся радикальному изменению²³. Именно заложенные в нём идеи, сознательно акцентированные при венчании на царство Ивана и Петра Алексеевичей 25 мая 1682 г.²⁴, стали прочным фундаментом всех последующих коронаций российских монархов²⁵.

То, что все чины венчания царей были хорошо изданы, побудило Барсова при подборе текстов предложить читателям неизвестные ранее списки. Однако он и помыслить не мог, что кто-то будет судить о развитии церемониала по его выборочной публикации. Удачно представив чин Дмитрия-внука по Синодальному списку Формулярной редакции, а чин Ивана IV по Вахрамеевскому и Посольскому спискам Пространной редакции, Барсов пропустил этапную для развития чина венчания коронацию Фёдора Ивановича, а из остальных напечатал только два чина: Алексея Михайловича (с «отменами» при венчании Ивана и Петра) и Фёдора Алексеевича²⁶, издав их по кратким приказным

¹⁴ СГГД. Ч. II. № 51.

¹⁵ Шевченко М. Н. Об эволюции чина венчания на царство российских монархов во второй половине XVI века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3(19). С. 199–208; и др.

¹⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. II. СПб., 1836. № 8; ДАИ. Т. I. № 144.

¹⁷ При этом в Посольском приказе хранился более одиозный чин венчания на царство не принявшей православия Марины Мнишек 8 мая 1606 г.: СГГД. Ч. II. № 138.

¹⁸ ААЭ. Т. II. № 47.

¹⁹ СГГД. Ч. III. М., 1822. № 16.

²⁰ Там же. № 45.

²¹ Три редакции чина см.: РГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. 1, № 12. Чиновные книги, составленные по итогам церемонии и опубликованные в ДРВ: Там же. № 10; ср. № 11 (беловики). О работе над чином см.: Морозова Л. Е. Две редакции чина венчания на царство Алексея Михайловича // Культура славян и Русь. М., 1988. С. 457–471. Неопубликованными остаются черновики и дело о коронации Алексея Михайловича: РГАДА, ф. 156, оп. 1, № 95. Из него Барсовым в Приложениях приведён лишь отрывок о царских инсигниях.

²² ДРВ. Изд. 2. Ч. VII. № 5. С. 234–303.

²³ РГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. 1, № 15. См. также: ДРВ. Изд. 2. Ч. VII. № 6; ПСЗ-I. Т. 2. № 648.

²⁴ РГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. 1, № 19. См. также: ДРВ. Изд. 2. Ч. VII. № 7. С. 403–484; ПСЗ-I. Т. 2. № 931.

²⁵ Их обзор см.: Амелёхина С. А. Церемониал коронации в Российской империи // Российская история. 2014. № 1. С. 74–94.

²⁶ Барсов Е. В. Указ. соч. С. 91–106. Подлинники см.: РГАДА, ф. 135, отд. IV, рубр. 1, № 13.

«перечням» основных событий. Оба текста отражали размышления чиностроителей перед коронацией 1682 г., масса тонкостей обеих церемоний в них была опущена²⁷, но прежде они не издавались.

Завершает ряд охваченных Барсовым чинов «Чин действия, каковым образом имеет быть коронование по церковному чиноположению его императорского величества Петра II»²⁸. Археограф «перепрыгнул» через коронацию Екатерины I в Кремле 7 мая 1724 г., чин которой был сразу официально опубликован²⁹. Внимание же Барсова привлекла выписка из чина коронации 1728 г., подготовленная для президента Иностранной коллегии гр. Г.И. Головкина. Обнаружить её археографу удалось в близкой по времени рукописи Ярославского архиерейского дома, где говорилось о ромейских корнях русской церемонии венчания и приводились фрагменты двух текстов, публикацией которых Барсов открыл свою книгу. К тому времени они уже не раз изучались, но воспроизведение их по неизвестному ранее Ярославскому списку выглядело достойно.

Первым и до сих пор главным источником о позднем обряде венчания басилевса являются разделы 7 и 12 («О коронации императора» и «О венчании императора») из знаменитого трактата Псевдо-Кодина «О должностях» Константинопольского двора 1350–1360-х гг.³⁰ Популярность этого трактата в Европе, где он издавался с конца XVI в.³¹, была связана с ошибочным предположением, будто он написан видным придворным середины XV в. курополатом Георгием Кодином, описавшим современную ему практику Ромейской державы, которая служила примером для европейцев.

Труд Кодина ценился учёными и мастерами церемониала наравне с трактатом Константина Багрянородного «О церемониях» (956–959), раскрывавшим архаичную стадию развития имперских обрядов, включая и чин возведения на престол басилевса³². Русские читатели XIX в., знакомившиеся с сочинением императора в гимназии и университете, ничего общего с отечественной практикой найти не могли: басилевса не венчали в церкви, а по римскому обычаю поднимали на щите, чего на Руси не делалось. Этот порядок сохранялся до Никифора Фоки (963), которого затем венчал патриарх. В XIII в. традицию под-

²⁷ Ср. издание полного Чина венчания Фёдора Алексеевича: *Богданов А.П.* Царь-реформатор... С. 458–486.

²⁸ *Барсов Е.В.* Указ. соч. С. 116–125.

²⁹ Описание коронации ея величества императрицы Екатерины Алексеевны. Торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. СПб., 1724; М., 1725. См. также: *Морозова П.А.* Коронация Екатерины I как политический процесс // *Science Time*. 2016. № 5. С. 230–234.

³⁰ *Taktikὸν περὶ τῶν ὀφφικίων τοῦ Παλατίου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῶν ὀφφικίων τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας*. Критическое издание: *Pseudo-Kodinos. Traité des offices* / Trad. par J. Verpeaux. P., 1966. Об авторе и трактате см.: *Macrides R.J., Munitiz J.A., Angelov D.* Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies. Farnham (Surrey), 2013.

³¹ *De Officiis: Georgius (Codinus). De Officialibus Palatii Constantinopolitani, et officiis magnae ecclesiae*. Commelinus, 1596; *Georgius Codinus Curopalata. De officiis et officialibus magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae*. Parisiis, 1625; *Georgius Codinus. Curopalata. De officiis magnae ecclesiae, et aulae Constantinopolitanae*. Parisiis, 1648; *George Codinus. De officialibus Palatii cpolitani et de officiis magnae ecclesiae liber*. Bonnae, 1839.

³² *Constantini Porphyrogeniti imperatoris. De cerimoniis aulae Byzantinae* / E rec. J.J. Reiskii. Vol. I. Bonnae, 1829. P. 191–196, 410–432. Полного перевода трактата на русский язык нет. См. неплохой перевод на английский: *Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies. With the Greek ed[ition] of the Corpus scriptorum historiae Byzantinae* (Bonn, 1829) / Ed. by A. Moffatt, M. Tall. Vol. 1–2. Canberra, 2012.

нения на шите возродили в Никее, и она продержалась до 1260 г.³³ Сто лет спустя, согласно Псевдо-Кодину, базилевса торжественно венчали в храме, хотя и иначе, нежели впоследствии Иван III короновал Дмитрия-внука, митрополит Макарий — Ивана IV и т.д. Различие ромейских и русских порядков сохранялось до 1676 г., когда при царе Фёдоре Алексеевиче, обратившись к классическому тогда труду Псевдо-Кодина, московский чин венчания постарались привести в соответствие с цареградским.

Псевдо-Кодин работал по заданию Иоанна VI Кантакузина (1347—1354), который в 1354—1364 гг., после отречения от престола, составил «Историю ромеев», осветив в ней, в частности, и времена Андроника III Палеолога, ставшего императором и соправителем своего деда Андроника II в 1325 г.³⁴ По словам М.А. Поляковской, «текст Иоанна Кантакузина, написанный много времени спустя после событий коронации Андроника III, воспроизводит протокол обряда коронования... приближаясь, по сути дела, к типу официального чина»³⁵. Сходство описания венчания в «Истории» Кантакузина и в более полном трактате Псевдо-Кодина свидетельствует об устойчивости данного чина в XIV в. Возможно, как полагал Ж. Верпо, оба автора независимо друг от друга пользовались одними официальными протоколами³⁶.

В научную публикацию трактата Псевдо-Кодина Верпо включил и замечательную находку, сделанную во Флорентийском архиве Х.М. Лопаревым, издавшим и прокомментировавшим не описание церемонии, а сам цареградский чин церковного венчания базилевса 1360-х гг., типологически сопоставимый с русскими³⁷. Позже в него неумелой рукой были вставлены имена Мануила II Палеолога и его супруги Елены³⁸. Характерно, что даже намёка на поднятие императора на щит во флорентийской рукописи нет. Важно отметить также, что все схожие с русским чином свидетельства отражают порядок коронации, сложившейся в XIV в. Сравнимые сообщения о церемониях XI—XIII и первой половины XV в. отсутствуют³⁹.

Барсов, следуя принципу издания ранее не печатавшихся источников, опубликовал в качестве первого из «греческих оригиналов» русского чина венчания трактат Псевдо-Кодина по рукописи Ярославского архиерейского дома (греческий текст и перевод)⁴⁰, игнорируя известную в его время «Историю» Иоанна VI Кантакузина, оригинального списка которой не имел. В предисловии археограф справедливо указал на то, что ромейские императоры и греческие иерархи в принципе не одобрили бы венчание князей по образцу базилевсов, а русский митрополит, с имперской точки зрения, не мог заменить на церемонии патриарха. Но при этом не упоминалось о прямом запрете жаловать царские инсиг-

³³ Жаворонков П.И. Избрание и коронация никейских императоров // Византийский временник. Т. 49(74). М., 1988. С. 56.

³⁴ Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV / Ed. by L. Schopen. Vol. I. Bonnae, 1828. P. 196—204.

³⁵ Поляковская М.А. Поздневизантийский чин коронования василевса // Византийский временник. Т. 68(93). М., 2009. С. 8.

³⁶ Pseudo-Kodinos. Traité des offices. P. 31.

³⁷ Ibid. P. 353—361.

³⁸ Лопарев Х.М. К чину царского коронования в Византии // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от его сослуживцев по Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 1—11.

³⁹ Представления о коронациях базилевсов этого времени основаны на отрывочных сведениях: Жаворонков П.И. Избрание и коронация... С. 55—59.

⁴⁰ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 1—18.

нии (в виде венца и мантии, превратившейся на Руси в бармы) иным народам, даже в знак ромейского владычества над ними, о котором писал в своём трактате «Об управлении империей» Константин Багрянородный⁴¹. Это полностью разрушало русское предание о Мономаховом венце как символе передачи великому князю власти басилевса. Барсов явно не сомневался в его недостоверности, признавая возможность венчания великих князей по образцу царей лишь после падения империи. Но открыто опровергать красивую сказку не стал.

В том же рукописном сборнике Барсов обнаружил фрагмент «Хожения» иеродиакона Игнатия Смольнянина в Царьград с кратким рассказом «о царьском венчании» Мануила II Палеолога в 1392 г.⁴² Памятник этот, сохранившийся во множестве полных списков краткой редакции, в пространной редакции Никоновской летописи⁴³, вошедшей в XVII в. в «Хронограф Русский», и в виде отдельных списков рассказа о венчании Мануила, неоднократно издавался ещё со времён В.Н. Татищева. Постепенно «Хожение» опутало немало легенд. Так, А.А. Турилов и И.В. Фёдорова вслед за Н.И. Прокофьевым утверждают, что «Рассказ И[гнатия] С[мольнянина] о коронации имп[ератора] Мануила в виде самостоятельной статьи переписывался в XVI–XVIII вв., в т[ом] ч[исле] в составе чинов венчаний на царство вплоть до времени имп[ератрицы] Елизаветы Петровны, на содержание к[ото]рых он оказал существенное воздействие»⁴⁴.

Действительно, сочинение смоленского клирика имелось в библиотеке Посольского приказа и в митрополичьем формулярнике⁴⁵. Однако в состав чинов венчания его никогда не включали, а рядом с ними оно оказалось только в рукописном сборнике Ярославского архиерейского дома, составленном после 1728 г. и изданном Барсовым. Мысль об использовании яркого повествования Игнатия для «строения» русских чинов выглядит разумной, если не сравнивать тексты и не замечать, что в «Хожении» император венчался вместе с императрицей. На Руси подобный опыт был единственным и скандальным: Лжедмитрий I, нарекшись по ромейскому образцу цезарем, короновал Марину Мнишек, даже не обратив её в православие. Чин её венчания, хоть и не полностью, сохранился, однако Барсов о нём не вспоминал. Следующий прецедент создал Пётр I, венчавший Екатерину I в Москве в 1724 г. Но и в её чине влияние Игнатия не прослеживается. Кроме того, у Игнатия басилевс, в соответствии с ромейскими правилами, проводил всю церемонию венчания в алтаре, со священниками, тогда как в русских чинах государь воспринимался как мирянин, и лишь в 1676 г. Фёдор Алексеевич (а за ним уже и последующие монархи) причащался в алтаре с духовенством⁴⁶.

Просвещённый царь, конечно, мог читать «Хожение» в Царственной книге, куда оно попало с Никоновской летописью⁴⁷. Однако, судя по основательности

⁴¹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2, испр. М., 1991. С. 55.

⁴² *Барсов Е.В.* Указ. соч. С. 19–24.

⁴³ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 95–108.

⁴⁴ *Турилов А.А., Фёдорова И.В.* Игнатий Смольнянин // Православная энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 151. См. также: *Прокофьев Н.И.* Русские хождения XII–XV вв. // Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. Учёные записки. Вып. 363. Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 160–161.

⁴⁵ ГИМ, Синод. собр., № 562.

⁴⁶ *Богданов А.П.* Царь-реформатор... С. 458–486.

⁴⁷ *Богданов А.П., Пентковский А.М.* Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. Ежегодник

обращения составителей чина 1676 г. к ромейской традиции, они использовали одно из западных изданий Псевдо-Кодина (с латинским переводом) и не имели нужды что-либо черпать у Игнатия. Но если обширный текст Псевдо-Кодина и краткий Игнатия не лежали в основе русских чинов венчания до царя Фёдора Алексеевича, то какую же ромейскую традицию подразумевал Барсов, говоря о более раннем времени? Очевидно, он имел в виду две молитвы патриарха при короновании императора в греческом Евхологии и в славянском Требнике XIV в., названные Елпидифором Васильевичем «древнейшим чином священного венчания царей на царство»⁴⁸.

То, что эти молитвы («Господи, Боже наш! Царю царствующим и Господь господствующим» и «Тебе, единому Царю веком») в русских чинах заимствованы из ромейского обряда, установил ещё ректор Московской духовной академии протоиерей А.В. Горский⁴⁹. Он же указал на греческий Евхологий как на источник молитв, которые «вошли в состав чиноположения коронования российских государей»⁵⁰. Барсов продолжил его дело, издав обе молитвы с параллельным текстом Евхология. Правда, и он не обратил внимания на связанную с ними выписку из «Тестаментас Василия, царя греческого» (поучения Василия I Македонянина к сыну Льву, датируемого около 879 г.), которая использовалась в чинах венчания русских монархов с Ивана IV (где словами императора Василия говорил митрополит Макарий) до Петра II⁵¹. По поздней редакции чина Дмитрия-внука Барсов ошибочно отнёс появление архиерейского поучения из «Тестаментас» к концу XV в. и счёл его «чисто русской особенностью», в которой звучал «голос самой Церкви, дышавший священной важностью»⁵².

Между тем соответствующие выписки из «Тестаментас», популярного на Руси с конца XIV в. и не раз изданного с начала XVII в., уже в 1457 г., т.е. сразу после падения Константинополя, вошли в Канонник⁵³, причём непосредственно перед молитвами «в провозведение царя» при коронации ромейского императора, которые ещё Горский соотнёс как с русским чином венчания, так и с Евхологием и славянским Требником⁵⁴. Эту поправку к изданию Барсова сделал Лопарев, заметив не без иронии, что русское поучение архиерея царю местами повторяет «Тестамент» дословно⁵⁵.

Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1983. С. 61–958.

⁴⁸ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 25–31.

⁴⁹ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III. Ч. I. М., 1869. С. 146–147.

⁵⁰ Горский А.В. О священнодействии венчания и помазания царей на царство // Прибавления к изданию творений св[яты]х отцев в русском переводе. Ч. 29. Кн. 1. М., 1882. С. 117–151.

⁵¹ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 58–59, 82–83, 114–115.

⁵² Там же. С. XXIX–XXXI.

⁵³ О нём см.: Прохоров Г. «Посторонние статьи» (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и «Слово о житии и о преставлении» Дмитрия Донского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 49. СПб., 1996. С. 71–73.

⁵⁴ ГИМ, Синод. собр., № 501/468. О рукописи см.: Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. III. Ч. I. С. 273.

⁵⁵ Лопарев Х.М. О чине венчания русских царей // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 253. С. 312–319. Ср.: Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 155, примеч. 1.

Таким образом, поучение и две молитвы на венчание царя были готовы к применению на Руси за 40 лет до коронования Дмитрия-внука. Это соответствовало широкому распространению представлений о русском православном государе в исторической и житийной литературе XV в., готовившей верующих к тому, что опорой православия в мире станет Русское царство, которое заменит павшее Греческое⁵⁶.

Барсов был прав в том, что «церковные чины, коими совершалось освящение царской власти, могли быть лишь воспроизведением чинов Великой церкви Константинопольской»⁵⁷. Но попытки искать отражение имперских образцов сталкивались с тем, что в России до 1676 г. венчание устраивалось и проводилось не церковной, а *светской* властью, и главным действующим лицом его являлся великий князь, затем царь, утверждавший своё самодержавие (суверенитет) по *собственной*, а не ромейской «старине»: «Божиим изволением от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест: отцы великие князи сыном своим первым давали княжество великое»⁵⁸.

При короновании Дмитрия-внука и в последующих чинах обязательно указывалось на законность власти *предков* благословляемого митрополитом (с венчания Бориса Годунова — патриархом) государя. При этом звучавшие в них представления о «Святой Руси», «Новом Израиле», о Москве как «Новом Иерусалиме», объединявшие образы богоизбранного народа и наследования по русской «старине», ещё не включали идею «Третьего Рима»⁵⁹. Сочетание родового начала (благородства) с богоизбранностью великого князя и русского народа на первых порах не имело отношения к римскому или ромейскому наследию. Оно восходило к «Слову о законе и благодати» первого русского митрополита Илариона, которое соединило принятое от Рима (а не ромеев), точнее — завоёванное мечом христианство с гордостью за возглавляемую «благочестивым каганом» Русскую землю и верой в её великую миссию. К моменту венчания Дмитрия-внука мысль о Москве как о наследнице всей Руси, уделе Богородицы и преемнице павшего греческого царства, была хорошо продумана и разработана. Книжники усердно изображали перемещение в неё, в Новый Рим, центра православного мира⁶⁰. Однако государством эти идеи воспринимались с большим запозданием. Официально о Москве как о Новом Риме по праву династического родства было заявлено в Пространной редакции чина венчания Ивана IV в начале 1560-х гг.⁶¹, а наиболее торжественно и полно — при Алексее Михайловиче⁶². Тем не менее с 1498 по 1645 г. чиновники, совершая обряд венчания, не видели смысла в использовании ромейского опыта.

Церковные иерархи в речах, обращённых к великому князю, а затем — к царю, в молитвенном последовании пользовались Требником, воспроизво-

⁵⁶ Кloss Б.М. Избранные труды. Т. II. М., 2001. С. 143–172.

⁵⁷ Барсов Е.В. Указ. соч. С. XXVII.

⁵⁸ Заявление явно неточно: наследование старшим сыном утверждалось в Москве болезненно и ещё в XV в. оспаривалось, но его повторяли затем при венчании на царство не первые и даже не сыновья: главной была идея своей, русской «старины».

⁵⁹ О её отсутствии в государственном обиходе конца XV в., помимо чина Дмитрия-внука, свидетельствуют и дипломатические документы. См.: Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

⁶⁰ Богданов А.П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: отношения Русской и Греческой церквей в XI–XVII вв. М., 2020. С. 259–306.

⁶¹ Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 213–225; и др.

⁶² Богданов А.П. Царь-реформатор... С. 306–317.

дившим Евхологий, но находились во время венчания на вторых ролях, поскольку все чины подразумевали прославление именно *русской* самодержавной власти. И хотя её постепенно стали выводить из Первого Рима, от кесаря Августа, провозглашённого предком легендарного Рюрика, и подкреплять с XVI в. верой в заимствование инсигний Второго Рима при Константине Мономахе, всё же основное значение имела непрерывность рода *русских* великих князей и царей. Даже миропомазание государя появилось не сразу, а лишь на третьем венчании — при Фёдоре Ивановиче. В чине Алексея Михайловича идея древности и славы правящего рода ставила Российское царство выше всех земных монархий и племён, что подтверждалось молитвой о расширении его границ до концов Вселенной⁶³, произнесённой Филаретом (Романовым) при поставлении в патриархи⁶⁴ и с 1645 г. звучавшей на всех коронациях⁶⁵.

Видимо, работа летописцев XIV–XV вв. по удревнению титула самодержца до Рюрика, воплощённая в великокняжеском своде 1480-х гг. и прямо предшествовавшая созданию чина Дмитрия-внука, не прошла напрасно. При этом апелляция чиностроителей к древности обряда венчания великих князей каких-либо убедительных оснований не имела. Краткая статья «Поставление великих князей русских, откуда бе и како начаша ставитися на великое княжество святыми бармами и царским венцем», широко распространённая книжниками и изданная Барсовым «по списку Посольского приказа XVI в.»⁶⁶, лишь излагала легенду о ромейском происхождении царских инсигний (явно не византийских шапки Мономаха и барм) и ничего не сообщала о традиции венчания великих князей на Руси⁶⁷.

На деле до 1490-х гг. не только потребности, но и мысли о венчании на царство у московских правителей появиться не могло⁶⁸. Сам чин Дмитрия-внука, в первоначальной редакции которого идея «Нового Рима» отсутствовала, неоднократно в XVI в. дорабатывался под влиянием летописного свода 1518 гг.⁶⁹ и «Хронографа Русского» Досифея (Топоркова) 1516–1522 гг.⁷⁰ Редактировался затем и чин Ивана IV, а каждый следующий отражал обновление идеологической реальности своего времени. Обращение чиностроителей Фёдора Алексеевича к ромейской традиции XIV в. также произошло не случайно.

Как констатировал Барсов, «наибольшую полноту греческого чиноположения представляет венчание царя Фёдора Алексеевича». Как и у Псевдо-Кодина, «после речи, в которой государь изъявлял желание короноваться, патриарх спрашивал его: Како веруешь и исповедуешь Отца, Сына и Святаго Духа? И государь торжественно читал Никео-Цареградский символ веры. Кроме указанных знаков царского достоинства (венец, бармы, скипетр, крест, зла-

⁶³ СГГид. Ч. III. С. 200–201.

⁶⁴ Филарет сделал молитву из тоста своего врага Бориса Годунова, предписанного тем «на трапезах и вечерах» (Богданов А.П. Русские патриархи. М., 2022. С. 356–357).

⁶⁵ Богданов А.П. Царь-реформатор... С. 314–316.

⁶⁶ Барсов Е.В. Указ. соч. С. 39–41.

⁶⁷ Характерно, что в 1560 г. константинопольский патриарх соборно утвердил царский титул Ивана IV, ссылавшегося на родство с цареградскими кесарями через супругу Владимира Святого Анну Багрянородную, венчание царским венцом Владимира Мономаха и т.п.

⁶⁸ См., например: Бычкова М.Е. Судебник 1497 г. и Чин поставления на великое княжество 1498 г.: идея власти государя // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 172–183.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1962.

⁷⁰ Там же. Т. XXII. М., 2005.

тая цепь. — А.Б.), по примеру греческих царей, на него возложена была царская одежда⁷¹. Миропомазание началось по приобщении патриарха, всех епископов, но до приобщения дьяконов. Кроме того, всем прежним царям по их миропомазанию Святые дары были преподаваемы не внутри алтаря, а перед царскими вратами, где совершалось самое помазание, теперь же царь, по примеру греческих царей, введён во святилище, прямо царскими вратами, где он приобщался Тела и Крови Христовой, подобно священникам»⁷².

Смысл этих перемен состоял в сакрализации царской власти по образцу базилиевсов XIV в. Объяснить его Барсов не пытался: для этого следовало обратиться к речам, которые говорили друг другу царь и патриарх, а их в изданных им перечнях нет. В речах, предписанных во всех чинах и серьёзно изменённых при Фёдоре Алексеевиче, формулировалась государственная идеология, а бегло описанная в «перечнях» церемония лишь зримо объясняла и оттеняла смысл новой формулы власти. Теперь государь венчался прежде всего «по преданию святой восточной Церкви» и лишь затем «по обычаю древних царей и великих князей российских». В чине Фёдора Алексеевича эта формула повторялась трижды, а в чине Ивана и Петра Алексеевичей — пять раз. Российское самодержавное царство на самом высоком официальном уровне провозглашалось Российским *православным* самодержавным царством. Обоснование власти московских государей было приведено в соответствие со статусом единственной в то время православной монархии.

Барсов туманно и, как выяснилось, неточно охарактеризовавший ромейское влияние на ранние русские чины венчания, не кривил душой. Да, русские коронации первые два столетия связывали с византийским наследием лишь две молитвы и нравоучение Василия Македонянина, т.е. их связь являлась сугубо религиозной и культурной, как и в целом Русь была связана с восточной частью Римской империи. Все использованные при венчании тексты входили в Требник, став частью отечественной духовной жизни. Зато выделенное археографом обращение Посольского приказа в 1676 г. к порядку венчания базилиевсов по Псевдо-Кодину, связанное с формированием идеи Российского православного самодержавного царства, позволяло говорить о том, что прямое влияние константинопольского чина на московский имело место, и обряды коронации русских монархов конца XIX в. восходят к «греческому оригиналу».

Истинной целью Барсова было введение в научный оборот неизданных источников. В приложениях он издал ещё два списка молитв о царе по русской и сербской рукописям XIV–XV вв. из Синодального собрания, документы Посольского приказа о новом троне, диадеме и державе Алексея Михайловича, о работе над «чиновной книгой» венчания на царство Ивана и Петра Алексеевичей, прибавив из своей коллекции жалованные грамоты Успенскому собору и описание коронационных монет и медалей XVIII в. Для публикации, созданной к торжеству, это был прекрасный выбор. В том же, что эпигоны сочли его труд обобщающим доказательством изначально ромейского происхождения русского чина венчания, Е.В. Барсов не виноват.

⁷¹ Облечение базилиевса было сакрализировано в ромейском чине не менее, чем инсигнии, начиная с плаща императора в древности и заканчивая почти священническим облачением автократоров XIII–XIV вв. с долматикой, лорумом (вместо ораря) и т.п.

⁷² Барсов Е.В. Указ. соч. С. XXVIII–XXIX.